

УНИВЕРЗИТЕТ У БАЊОЈ ЛУЦИ

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ

UNIVERSITY OF BANJA LUKA

FACULTY OF PHILOLOGY

**Художественный образ серба и Сербии
в творчестве Л.Н. Андреева (на основе
имагологического анализа рассказа
«Иностранец» и статьи «Слово о
Сербии»)**

Магистерская диссертация

Научный руководитель:

Доц. др Ненад Благоевич

Кандидат:

Кузьмичёва Людмила Анатольевна

Баня Лука, 2023 год

УНИВЕРЗИТЕТ У БАЊОЈ ЛУЦИ

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ

UNIVERSITY OF BANJA LUKA

FACULTY OF PHILOLOGY

**Literary Image of the Serb and
Serbia in L. Andreyev's works
(based on the imagological
analysis of the story «Foreigner»
and the article «Word about
Serbia»)**

MASTER THESIS

Mentor:

PhD Nenad Blagoevich,
Assistant professor

Candidate:

Kuzmicheva Liudmila

Banja Luka, 2023

Ментор: Др Ненад Благојевић, доцент на Департману за руски језик и књижевност
Филозофског факултета Универзитета у Нишу

Резюме: Имагология, как раздел современного литературоведения, занимается анализом образа другой страны, народа и процессом формирования и восприятия этого образа в национальном сознании. Основными концептами имагологии является национальный образ и стереотип. Данная работа посвящена изучению национального образа в произведениях Леонида Андреева. Цель исследования показать как формируются национальный образ народа в тексте путём имагологического анализа и продемонстрировать как сформированный образ отражает взгляды автора и его отношение к теме.

Кључне ријечи: Ключевые слова: имагология, образ, национальный образ, стереотип, Леонид Андреев.

Научна област: Хуманистичке науке

Научно поље: Књижевност

Класификациона ознака за дату научну област према CERIF шифрарнику:

Н 390 – Општа и компаративна књижевност, књижевна критика, теорија
књижевности

Н 595 – Руски језик и књижевност

Тип одабране лиценце креативне заједнице: CC-BY-NC-ND (Ауторство –
некомерцијално – без прерада)

Mentor: PhD Nenad Blagojević, assistant professor, University of Niš, Faculty of Philosophy, Russian Department.

Title of Master thesis: Literary Image of the Serb and Serbia in L. Andreyev's works (based on the imagological analysis of the story «Foreigner» and the article «Word about Serbia»)

Summary: Being a branch of Comparative Literature, imagology is focused on the study of the image of other country, other nation and supervises how the image is formed and perceived in national consciousness. The paper is dedicated to the study of the national image in Leonid Andreyev's works, namely in the story «Foreigner» and the article «Word about Serbia». The aim of the paper is to show how the national image of the Serb and Serbia is formed within the help of the imagological analysis and to demonstrate how the created image reflects the author's ideas and attitude to the idea in question.

Key words: imagology, image, national image, stereotype, Leonid Andreyev.

Scientific area: Humanities

Scientific field: Literature

Classification for the chosen scientific area according to CERIF codes:

H 390 – General and comparative literature, literary criticism, literary theory

H 595 – Russian language and literature

Creative community license type: CC-BY-NC-ND (Authorship – Non-commercial – No adaptations)

Содержание

Введение.....	6-7
Глава 1. Имагология как междисциплинарное направление гуманитарного знания	8
1.1. Имагология как раздел компаративистики	8-14
1.2. Национальный образ и стереотип как базовые концепты имагологии.....	15-17
ГЛАВА 2. Образ серба и Сербии в творчестве Леонида Андреева	18
2.1. Эстетика творчества Л.Н. Андреева	18-23
2.2. Художественный образ серба в рассказе Л.Н. Андреева «Иностранец»	24-29
2.3. Художественный образ серба и Сербии в статье Л.Н. Андреева в «Слове о Сербии».	30-32
Заключение	33
Список литературы.....	34-35
Приложение.....	36-39

Введение

Данная работа посвящена исследованию национального образа в творчестве Леонида Николаевича Андреева, а именно в рассказе «Иностранец» и публикации «Слово о Сербии».

Активное межкультурное общение вынуждает современного человека все чаще контактировать с представителями иных народов, стран, культур.

Являясь дисциплиной гуманитарного знания, современная имагология как раздел сравнительного литературоведения изучает образ, закрепленный в сознании одного народа о другом, представление о другой культуре. Наиболее полно реализовалось представление о «другом» в художественных образах литературы, фольклора, кинематографа, что позволило ученым выделить имагологию художественную как особый вид имагологии.

В русской художественной литературе национальные образы появились с началом формирования такого жанра как путевые письма, путевые заметки. Публикация в 1791 году «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина позволила русскому читателю познакомиться с политической, общественной, культурной жизнью европейских стран конца XVIII века и сопоставить с известными ему порядками, с образом жизни у себя на родине и в известной степени сформировать представление о европейцах в русской языковой картине мира.

Национальные образы в произведениях Леонида Николаевича Андреева, выдающегося беллетриста, драматурга начала XX века, произведения которого впитали в себя дух эпохи, и имя которого было незаслуженно предано забвению на многие годы, остаются не до конца исследованными, что и определяет **актуальность** данной работы.

Целью нашего исследования является изучение национального образа в творчестве Леонида Андреева.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) Изучить источники по данной теме;
- 2) Выявить особенности художественной имагологии;
- 3) Исследовать понятия «стереотип», «образ».
- 4) Изучить эстетику писателя при создании национального образа.

Для выполнения вышеуказанных задач были использованы следующие исследовательские **методы**: контекстуальный метод анализа текста с точки зрения содержательной нагрузки, стилистический метод анализа языковых средств.

Предметом исследования являются художественные образы серба и Сербии в творчестве Леонида Андреева.

Материалом исследования служат рассказ «Иностранец» и статья «Слово о Сербии».

Методологической базой исследования являются теоретические работы европейских и российских ученых: Ж.-М. Карре, М.Ф. Гийяра, Д.-А. Пажо, Х. Дизеринка, Й. Леерссена, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.М. Журминского, А.Р. Ощепкова, В.А. Лукова, О.В. Полякова, О.А. Поляковой, Н.П. Михальской.

Теоретическая значимость нашего исследования заключается в том, что творчество Леонида Андреева рассматривается в аспекте имагологии.

Практическая значимость данной работы состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения национального образа в произведениях русской литературы, а также применены при подготовке пособий для филологов, изучающих сравнительное литературоведение, и специалистов, исследующих проблемы межкультурной коммуникации.

Структура работы. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, приложения. В приложении находится копия оригинальной статьи «Слово о Сербии», которая любезно предоставлена английским учёным Ричардом Дэвисом, куратором «Русского архива» в Лидсе (Великобритания). Текст статьи представлен в дореформенной орфографии.

Глава1. Имагология как гуманитарное направление научного знания.

1.1. Имагология как раздел компаративистики

Имагология является частью сравнительного литературоведения или компаративистики.

Имагология как гуманитарное направление научного знания сложилось на стыке литературоведения, филологии, антропологии, истории, культурологии, именно поэтому очевидный междисциплинарный характер имагологии демонстрирует глубину и разнообразие предмета изучения.

Предметом изучения имагологии является анализ образа другого народа, другой страны, другой культуры и формирование этого образа в национальном сознании воспринимающего народа. Формирование образа – процесс, происходящий на протяжении длительного времени и претерпевающий влияние самых разнообразных факторов. В сознании одного народа представления о другой культуре, менталитете постепенно складываются в определенный образ, который может в большей или меньшей степени соответствовать реальности, а может и существенно от нее отличаться. Образ – понятие чрезвычайно широкое, получающее различные трактовки в зависимости от философской, социологической, психологической, филологической или эстетической тематики. Для имагологии наиболее важная категория – ментальные образы. Иная культура, проходя через процесс восприятия, становится ментальным продуктом, который превращается в принятый, усвоенный образ. Применительно к механизмам имагологии можно сказать, что восприятие образа — это перцепция, а преобразование образа – рецепция. Под образом может пониматься не только целое (образ народа, страны), но и часть (клише, стереотип). Стереотип как категория вводится в круг имагологических вопросов в связи с проблемой абберации, искажением видения иноязычной культуры. Ошибочные мнения о других народах и странах приобретают устойчивость стереотипов. А в большинстве случаев эти односторонние мнения являются результатом неполной, недостаточной информации о другой культуре, а то и просто основываются на предрассудках. Эти стереотипы живут в народном сознании, они влияют на изображение иных стран, иных культур в литературных произведениях. Поэтому изучая ментальные образы одной страны в восприятии другой, необходимо разделять собственно иноязычную (лингвистический аспект проблемы) культуру как объективную данность и культуру как сложившуюся систему стереотипов.

Развитие компаративистики становится особенно заметным во второй половине XIX века и встает вопрос о выделении сравнительного литературоведения как самостоятельной науки. Первое обобщающее исследование «Главные течения в европейской литературе XIX

века» принадлежит Георгу Брандесу¹. Большой вклад в развитие компаративистики внесли Франческо де Санктис², который создал специальную кафедру в Неапольском университете в 1862 году, и Хэтчисон Познетт³, опубликовавший в 1886 году книгу «Сравнительное литературоведение». Основатель французской филологической и исторической школы Гюстав Лансон⁴ впервые в истории европейских литератур выделил важные методологические принципы: тщательность информации, ее основательность и разнообразие, рассмотрение произведений на историческо - культурном фоне эпохи, тесная связь их с социальной жизнью, анализ, основанный на исчерпывающей документации. Вплоть до конца XIX века авторы учебных пособий по компаративистике использовали лансоновскую методологию. Видной фигурой в европейской компаративистике стал Фернан Бальдансперже⁵. Будучи профессором Лионского университета и Сорбонны, Бальдансперже становится самым активным пропагандистом идей европейского сравнительного литературоведения. Его труды посвящены как проблемам теории, например, «Сравнительное литературоведение» так и практике. Кроме того, он начинает издавать в 1921 году совместно с Полем Азаром⁶ журнал «Сравнительный обзор литературы», руководство которым впоследствии перейдет к Жан-Мари Карре⁷.

Ж.-М. Карре исследовал формирование образа Германии во французской литературе XIX века и первой половине XX века. Он первым заявил о необходимости исследовать образы «другого», воплощенные в литературных текстах. Ж.-М.Карре считал, что французские писатели изобразили ошибочный образ Германии в своих произведениях. Ученый писал, что свою цель он видит в том, чтобы «напомнить о тех оптических ошибках, которые были допущены французскими писателями» в их представлении о Германии (Carre, 1947). Своеобразным теоретическим манифестом в рамках компаративистики стало появление в 1951 году труда французского ученого Мариуса-Франсуа Гийяра⁸ – «Иностранец, как его видят». Ученый призывал к исследованию мифов-образов, а не влияния одной литературы на другую. М.-Ф. Гийяр писал: «Не будем больше прослеживать и изучать иллюзорные влияния одной литературы на другую. Лучше попытаться понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях» (Guyard,1951). Таким образом, Гийяр предложил

¹ Георг Брандес – датский литературовед, публицист, теоретик натурализма.

² Франческо де Санктис – итальянский литературный критик, философ.

³ Хэтчисон Познетт – английский литературовед.

⁴ Гюстав Лансон – французский литературовед, историк литературы, литературный критик.

⁵ Фернан Бальдансперже – французский историк литературы, филолог, редактор, литературный критик.

⁶ Поль Гюстав Мари Камиль Азар – французский ученый, историк литературы, философ.

⁷ Жан- Мари Карре – французский литературовед, академик.

⁸ Мариус- Франсуа Гийяр – французский ученый, литературовед.

переключить внимание исследователей с проблемы литературного влияния на проблему рецепции «другого».

Призыв Гийяра был услышан, и в 1950-1960 годах во Франции появились существенные исследования образа «другого» (работы А. Лортолари, Ш. Корбе, М. Кадо, Д. А. Пажо). Именно Д.А. Пажо⁹ подчеркивал междисциплинарный характер исследований в русле имагологии, через которую компаративистика расширяет свое поле и взаимодействует с другими науками: этнологией, антропологией, социологией, историей. Ученый предлагает свою собственную трехуровневую систему исследования образа «другого» в тексте: во-первых, нужно выявить бинарные оппозиции текста, лежащие в основе репрезентации национального («я»- повествователь – родная культура и «он»- персонаж – представляемая культура); во- вторых, провести лингвистический анализ текста; в-третьих, рассмотреть полученные данные в историческо-культурном контексте.

Румынский исследователь А. Дима¹⁰ призывал «с крайней тщательностью подходить к портрету той или иной страны в литературе», поскольку образы других стран не могут оставаться постоянными, а на их сознание влияют совершенно разные факторы, в том числе то, имел ли автор текста опыт пребывания в описываемой им стране. По мнению румынского компаративиста А. Димы, специфика сравнительного литературоведения заключается в изучении:

- 1) прямых связей между литературами, то есть сопоставление переводов, выявление различных влияний, заимствований;
- 2) типологических схождений, которые не предполагают генетического родства, но проявляются в разработке определенных тем, мифов, образов, жанров, наличии сходных литературных явлений;
- 3) специфических черт национальных литератур, «осознаваемых как отношения независимости».

Однако поворот в компаративистике принято связывать с именем бельгийского ученого Хуго Дизеринка¹¹, теоретика Аахенской школы сравнительного литературоведения. Рассматривая имагологию как направление в компаративистике, Х. Дизеринк подверг виртуализации понятие «нация». С его точки зрения, нация не есть реально существующая общность, но лишь ментальная конструкция. Согласно пониманию исследователя имагология исследует ментальные модели (имаготипические структуры), которые служат основой национальной самоидентификации той или иной нации в

⁹ Даниэль- Анри Пажо – французский ученый, литературовед, писатель- романист.

¹⁰ Александр Дима - румынский ученый, литературовед.

¹¹ Хуго Дизеринк – бельгийский литературовед.

литературе. Х. Дизеринк отмечает, как заблуждаются те, кто считает, что предназначение имагологии – исследовать лишь характерные особенности народов, черты «народной психологии», выраженные в текстах.

Дизеринк писал: «Образы и имаготипические структуры являются не отражениями действительных коллективных качеств рассматриваемых общностей (наций, народов и т.д.), а фикциями, идеями, которые некогда в ходе исторического развития возникли в данных странах и сообществах. Эти идеи частично передавались из поколения к поколению и иногда оказывали воздействие, совершенно отличавшееся от первоначальных мнений и намерений тех, кто их впервые сформулировал» (Dyserinck, 2003).

Также глава Аахенской школы пришел к выводу о том, что компаративистский анализ образов другой страны должен осуществляться как в рамках литературы, его создавшей, так и в многонациональном контексте.

Положения, сформулированные Х. Дизеринком, получили развитие в трудах известного голландского ученого - компаративиста Й. Леерссена¹², профессора Амстердамского университета. Й. Леерссен является автором многочисленных научных работ, посвященных проблемам национальной идентификации. Среди них следует отметить концептуально обобщающий коллективный труд – «Имагология: культурное конструирование и литературная репрезентация национальных характеров» (Imagology..., 2007), в которой представлена методологическая программа Й. Леерссена и его научной школы. Углубленно исследуя проблему национального в литературе, ученый дополняет понятие нации в аспекте имагологии и вводит термин *ethnie*, этинмом (исходным словом) которого является «этнос», для обозначения группы людей, интерсубъективно связанных посредством избранной ими общей самоидентификации и, как следствие, разделяющих общее чувство культуры и исторического» (Leerssen, 2007). Й. Леерссен отмечает, что национальная самоидентификация обязательно связана с установлением отличий от Другого. Условием понимания этнической общности является ее «отделение себя от мира и исключением из ее числа всех, кто к ней не относится». Исследователь пишет: «Мы упорядочиваем мир прежде всего путем его разделения, и чувство коллективной общности неизбежно порождает чувство коллективной инаковости» (Leerssen, 2007). Отказ от традиционного понимания «национальной психологии», по Леерссену, дает два исследовательских вектора: во-первых, национальные образы следует рассматривать в динамике, «порождаемой культурным разнообразием», т.е. «в историческом контексте конфронтацией различных культур»; во-вторых, их следует

¹² Джозеф Теодор (Джозеп) Леерссен – голландский компаративист, историк культуры.

анализировать именно как образы, т.е. как «миметические конструкты, которые в определенной мере соответствуют конвенциям репрезентации и общим моделям вне зависимости от конкретной нации и культуры» (Leerssen, 2007). Таким образом, имаголог, исследуя противостояния культур, может обнаружить структурные, а не случайные сходства между ними.

Имагологические исследования в России в русле сравнительного литературоведения появились в трудах М.М. Бахтина¹³, А.Н. Веселовского¹⁴, В.М. Журминского¹⁵, Ю.М. Лотмана¹⁶, Б.Г. Реизова¹⁷.

М.М. Бахтин в своей концепции «диалога культур» подчеркивал то, что чужая культура полно и глубоко раскрывает себя только в глазах другой культуры: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила. Мы ищем в ней ответ на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» (Бахтин, 1979).

Б.Г. Реизов отмечал важность исследования проблемы возникновения и существования национальных образов в литературе: «Возникновение или эволюция... национальных типов [образов], какими они существуют в воображении других народов или своем собственном, до сих пор не исследованы, хотя отлично известны всем европейским литературам, а в настоящее время, очевидно, не только европейским» (Реизов, 1986).

На современном этапе развития имагологическими исследованиями занимаются такие российские ученые как, В.Б. Земсков, С.Б. Королева, Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, Н.П. Михальская, А.Р. Ощепков, А.В. Павловская, Е.В. Папилова, О.В. Поляков, О.А. Полякова, В.П. Трыков, Л.Ф. Хабибуллина, В.А. Хорев. Несмотря на то, что имагология как направление сравнительного литературоведения получила распространение с середины 20 века, до сих пор в научной среде не существует единого и общепринятого определения этого понятия. Так, в «Толковом словаре общепринятых терминов» имагология описывается как «учение об образах» и «составная часть сравнительно- исторического метода в литературоведении». Российские ученые, однако, склонны конкретизировать такое широкое определение, обращая внимание на более частные аспекты.

¹³ Михаил Михайлович Бахтин - русский философ, культуролог, литературовед.

¹⁴ Александр Николаевич Веселовский – русский историк литературы, литературовед.

¹⁵ Виктор Максимович Журминский – советский литературовед, лингвист.

¹⁶ Юрий Михайлович Лотман – советский и российский литературовед, культуролог и семиотик, пушкинист.

¹⁷ Борис Михайлович Реизов – советский литературовед и переводчик.

Например, А. Р. Ощепков говорит об имагологии следующее: «Имагология – сфера исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающаяся изучением образа «чужого» (чужой страны, народа и т.д.).

В.А. Хорев отмечает, что имагология «изучает образ другого народа не только в литературе, но и в других ‘текстах’, но первостепенным ее предметом является всё же литература».

Н.П. Михальская считает, что имагология исследует «восприятие и воплощение в литературных произведениях представлений об иной стране, её народе, особенностях национального характера».

Согласно позиции Е. В. Папиловой «имагология – научная дисциплина, имеющая предметом изучения образы «других», «чужих» наций, стран, культур, инородных для воспринимающего субъекта».

По мнению ученого В.Б. Земскова, имагология – научная дисциплина, которая изучает рецепцию и репрезентацию не только «мира других, но и своего собственного».

О.Ю. Поляков, О.А. Полякова понимают имагологию как науку, «изучающую авто- и гетерообразы наций, иными словами образы «своего» и «чужого», их происхождение, содержание и историческую изменчивость.

Признает важность такого противопоставления и В.А. Хорев, утверждая, что «свое» не только более зримо выступает на фоне «чужого», но и формируется во взаимодействии с ним, оценивается в сопоставлении с ним».

Разграничение «своего - чужого» существовало с давних времен не только как пространственно-территориальная граница, но и как разница в системе верований и культур. Исторически отношение к чужому в каждом конкретном обществе было связано с присущей ему картиной мира, поэтому и бинарная оппозиция «свое – чужое» имела в каждую эпоху различное наполнение.

Имагология имеет междисциплинарный характер – коррелирует с такими областями гуманитарного знания как этнография, культурология, лингвистика, этнология, история и стремится к обобщению и выработке некой общей парадигмы рецепции «чужих» в пространстве того или иного сознания. Наиболее полно подобное представление о других получают при анализе художественных произведений искусства, что позволяет выделить особый вид имагологии – художественную имагологию. Художественная имагология присуща разным видам искусства, и в каждом из них она получает свое отражение. В словесном искусстве художественная имагология осваивается литературоведческой имагологией, которая исследует и интерпретирует образы других стран, народов в произведениях художественной литературы. Такие национальные образы могут изучаться

в творчестве отдельных авторов, а также и в рамках того или иного литературного направления.

В развитии художественной имагологии особую роль сыграла эпоха Просвещения, во времена которой литературный жанр путешествий стал популярным.

В России жанру путевых очерков отдали дань Н.М. Карамзин, Д.И. Фонвизин, П. И. Сумароков, М.П. Погодин и другие авторы. Романтизм проявил особый интерес к национальному самосознанию народа, его языку и фольклору, самобытности его культуры и литературы, к менталитету и характеру чужой нации.

Создавая образы персонажей других народов (тема Кавказа, Крыма у Пушкина, тема малороссов у Гоголя, тема Кавказа у Лермонтова и Толстого, и т.д.), литература романтизма воплотила этностереотипы, уже сложившиеся в русском сознании. В творчестве романтиков нация представлена как индивидуальность и носительница своей исторической миссии. Этот интерес сохранился и в постромантизме, особенно в связи с проблемой исторического пути России и ее отношения к Западу.

1.2. Национальный образ и стереотип как базовые концепты имагологии.

Национальные образы и стереотипы являются ключевыми концептами имагологических исследований. Эти категории тесно связаны в рамках имагологии, поскольку именно образы становятся основой для создания представлений, стереотипов. Зачастую образ другой культуры выстраивается в виде целой системы стереотипов. Примером тому служат устойчивые представления о чертах других наций: англичане слывут чопорными и сухими, французы – легкомысленными и любвеобильными, испанцы – страстными и эмоциональными, немцы – педантичным и практичными и т.д.

С.Г.Тер-Минасова¹⁸ в своей работе «Язык и межкультурная коммуникация» определяет стереотип как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или субъекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта». Художественная литература в силу своего эмоционального воздействия на общественное сознание влияет на устойчивость национальных образов, следовательно, задача литературоведческой имагологии, как определяет ее Н.П. Михальская¹⁹, заключается «в изучении образного восприятия и воплощения представлений об иной стране, ее народе, об особенностях национального характера».

В этой связи некоторые исследователи пытаются выделить черты, составляющие в своей совокупности структуру национального характера, чтобы описать психологический портрет того или иного народа и сравнить типические черты разных национальных характеров. Еще на рубеже 1960-1970 годов И.С. Кон²⁰ подчеркивал, что термин «национальный характер», впервые появившийся на уровне бытового сознания в литературе о путешествиях, «не аналитический, а описательный» и, будучи призван «выразить специфику образа того или иного народа», предполагает сравнение и фиксацию различий. Оригинальность его подхода заключалась в анализе национальной психологии с учетом исторического прошлого нации, а именно «те черты, которые воспринимаются как специфические особенности национального характера, определяются не природными способностями, а различием ценностных ориентаций, сформировавшихся вследствие определенных исторических условий и культурных влияний<...> и в истории народа каждого этап исторического развития оставляет свои неизгладимые следы. Чем длиннее и

¹⁸ Светлана Григорьевна Тер - Минасова – советский и российский лингвист.

¹⁹ Нина Павловна Михальская - советский литературовед.

²⁰ Игорь Семенович Кон - советский и российский социолог, психолог, антрополог, философ.

сложнее этот путь, пройденный народом, тем сложнее и противоречивее будет его национальный характер».

В конце XX – начале XXI века расширяется и концептуально насыщается междисциплинарное исследовательское пространство в рамках историко-филологического и литературоведческого знания, и в центре внимания оказываются вопросы формирования национальной идентичности, создание устойчивого образа «своего», что неизбежно предполагает присутствие противоположного образа «чужого», от которого происходит своего рода ‘отталкивание’ и образуется бинарная оппозиция «свой-чужой». Утверждаются ключевые методологические принципы ималогических исследований: 1) необходимость учета психологической составляющей процесса формирования этнических представлений как смеси правды и фантазии, трезвого наблюдения и грубых заблуждений– предубеждений в отношении других и завышенных самооценок – в контексте различных процессов, происходящих в различных сферах деятельности и внешних взаимосвязях социума в конкретные моменты его истории; 2) принцип отражения в образе другого народа сущностных черт собственной коллективной психологии, <...> формирование идентичности через отрицание негативных черт, приписываемых «Другим» (иногда, напротив, через «наделение» последних утраченными «Своими» добродетелями). Оболенская С.В. отмечает, что часто в общественном сознании «образ «чужого» складывается задолго до реальной встречи с этим «чужим» в процессе соединения архетипических представлений с впечатлениями повседневной жизни <...>. Затем эти впечатления, чаще всего непреодолимые, дополняются и развиваются сведениями из книг или от других людей». «Встреча с другим», собственный опыт наблюдения и общения считается проверкой этих представлений, но при этом чаще всего человек считает действительным и верным именно то, что он предполагал заранее и что нашло подтверждение при встрече с реальностью». Этнический стереотип формирует психологическую установку на эмоционально-ценностное (чаще негативное) восприятие «Чужого» и задает соответствующий алгоритм отбора и интерпретации фактов взаимодействия.

То, что оппозиция «свой–чужие» является культурной универсалией, присуща самосознанию любого типа общности, обладает мощным мобилизующим потенциалом и имеет фундаментальное значение для раскрытия специфики любой культуры, никем не оспаривается. Но в оппозиции «свой–чужие» можно выделить еще «Иного», «Другого». Если «Чужой» находится как бы за внешней границей круга интересов сообщества, то «Другой» может быть фактически своим, но обладание определенными качествами или знаниями делает его культурно «Иным», социально «Чужим», или маргиналом. И, в то же

время, «Другой» по национальной принадлежности может быть «Своим» по культурно-нравственным приоритетам.

Оппозиция «свои- чужие» складывается на разных уровнях. В повседневной жизни она возникает на основе коммуникативных критериев, подразумевающих возможность установления общения (языка, внешности, манер поведения, одежды) и восприятия внешних форм другой культуры. Но более глубокие контакты непосредственно затрагивают присущие каждой культуре картину миру, ценности, мировоззренческие установки, сложившиеся в коллективном сознании того или иного народа на разных этапах исторического развития.

Как видно из выше сказанного, концептуальная структура бинарной оппозиции «свой-чужой» достаточна сложна, образ «Другого» - многослоен.

Присутствие этностереотипов в национальном сознании народа характеризуется устойчивостью, вместе с тем многие исследователи констатируют динамичный характер формирования национальных образов. В определенных провоцирующих условиях могут возобновляться старые антагонизмы, которые актуализируют стереотипы, уходящие корнями в прошлое время. Поэтому даже глубокий ималогический анализ оппозиции «свои- чужие» оставляет нерешенным целый ряд вопросов. Например, каким образом, с учетом «непреодолимой» устойчивости архетипов сознания, с одной стороны, образ «чужого» легко, иногда за одну только ночь, превращается в образ «врага», а с другой стороны, – как может происходить обратный процесс, и в целом – какова логика общественных и личностных отношений, при которых система противостояния или сотрудничества приобретает подвижность. В этой связи, голландский ученый компаративист Й. Леерссен считает изучение метаобразов одним из перспективных направлений дальнейшего развития имагологии, «когда Мы представляем себе, что другие думают о нас, и когда другие размышляют о том, что Мы думаем о них» (Leerssen, 2007). Метаобразы, по Й. Леерссену, заслуживают особого внимания, поскольку обладают опасным потенциалом разжигать вражду между «своими» и «чужими»; «мы обвиняем других в злом умысле, верим в то, что они относятся к нам несправедливо, с глубокой враждебностью, не понимая, что таким образом мы сами демонстрируем злой умысел и враждебность, приписывая эти качества другим» (Leerssen, 2007). Дальнейшее исследование метаобразов имагологией и понимание механизмов их функционирования может принести практическую пользу в решении конфликтных ситуаций.

ГЛАВА 2. Образ серба и Сербии в творчестве Леонида Андреева.

2.1. Эстетика творчества Леонида Андреева.

Леонид Николаевич Андреев (1871-1919) – одна из ярких фигур художественно-философской реальности конца XIX – начала XX века. Замечательный мастер слова, мыслитель, драматург, публицист, художник, масштаб его творчества не укладывался в традиционные литературные рамки. Писатель стремился расширить границы реализма, экспериментировал с формой и содержанием, предлагал провокационные сюжеты и образы. Поэтому отношение критиков и читателей к творчеству Леонида Андреева было весьма неоднозначным на всем творческом пути писателя. М. Горький считал Андреева «самым интересным писателем Европы и Америки ... и ... время самым талантливым писателем двух частей света». В художественной системе Андреева прослеживаются признаки символизма, модернизма, экзистенциализма, экспрессионизма, получившие развитие в русском и европейском литературно-философском процессе.

Ведущие исследователи творчества Андреева 1970 -1980 годов В.А. Келдыш, Л.А. Иезуитова²¹, Ю.В. Бабичева и др. признавали синтетическую природу произведений Андреева, взаимодействие в них реализма и модернизма.

Там, где прижизненная критика упрекала писателя в малохудожественности и антиэстетизме, исследователь Л.А. Иезуитова увидела разнообразие гротеска, символизации, плакатности, то есть новаторские приемы поэтики. В раскованности творческого воображения писателя и неповторимом художественном стиле исследователь нашла сходство с таким народным искусством как лубок, которому эстетически присуща театрализация, экспрессия, наивность, ритмическая организация.

Исследователи постсоветского периода расширили границы подходов к творчеству писателя. Л.А. Колобаева и В.В. Заманская высказали идею о экзистенциализме в творчестве Андреева.

Е.А. Михеичева изучала специфику и роль психологизма в творчестве Л. Андреева, чрезвычайно расширив при этом интерпретацию идейно-художественного содержания произведений писателя.

Существенное обновление теоретической базы литературоведения, а также публикации материалов из архива Леонида Андреева, активная деятельность Русского Архива в Лидсе (Великобритания), куратором которого является английский ученый

²¹ Людмила Александровна Иезуитова – кандидат филологических наук, специалист по русской литературе Серебряного века первой волны русского зарубежья.

Ричард Дэвис, дали возможность современным исследователям-андрееведам изучить наследие писателя – философа Леонида Андреева с новых позиций.

На современном этапе большинство исследователей сходятся во мнении, что Л.Н. Андреев стал родоначальником русского экспрессионизма в русской литературе и явился предтечей такого литературного направления как литература абсурда.

Место творчества Андреева в мировой литературе определил А.Л. Григорьев, доказав, что новаторство Андреева далеко опередило его время.

Писатель-философ – так называли современники, поклонники и противники, читатели конца XIX – начала XX века Леонида Андреева, произведения которого принадлежали той интеллектуальной среде, где шел поиск новых форм искусства, нового постижения и объяснения мира. Произведения писателя вобрали в себя дух эпохи, «страшные годы» России, поэтому его творчество – это реакция писателя, гражданская позиция, на события неспокойного времени.

Жизнь и творчество Леонида Андреева тесно переплетены, а дневниковые записи и автобиографические факты помогут понять мировоззренческие взгляды писателя. Дневниковые записи Андреева являются своего рода архивом эпохи – контекстом, в котором можно найти ключ к интерпретации его мыслей, чувств и произведений.

«Художник, так же, как и мыслитель, вкладывает себя в свое произведение и там самоосуществляется». Об этом свидетельствует запись Андреева в дневнике от 7 сентября 1898года: «По различным причинам я привык жить глубоко субъективной жизнью, поэтому все то, что происходит в божьем мире и не имеет непосредственного отношения ко мне, мало останавливает мое внимание и мало меня интересует. <...> Я не могу «сочинять» ничего такого, чего бы я не видел в жизни». Дневники и записки Андреева позволяют раскрыть то, что автор видел в жизни и осмысливал. Вот почему автобиографические черты, лежащие в основе андреевской прозы, важны для понимания философского по своей сути мировидения этого писателя.

Леонид Николаевич Андреев родился 9 (21) августа в Орле в 1871 году. Природа наделила Андреева не только талантом, но и красивой внешностью, унаследованной от отца Николая Ивановича, сына предводителя дворянства. Многие прохожие оглядывались, когда писатель проходил мимо. Его портреты писали И.Е. Репин, В.А. Серов. Л.О. Пастернак. Мать, Анастасия Николаевна, урожденная Пацковская, происходила из обрусевшего

и обедневшего польского дворянского рода, была женщиной простой и малограмотной, но беззаветно любящей своих детей, и особенно первенца Ленушу. Впоследствии писатель

относил свои творческие способности к материнской линии.

В автобиографической заметке от января 1910 года он писал: «Читать я начал шести лет и читал чрезвычайно много, все, что попадалось под руку; лет с семи уже абонировался в библиотеке. С годами страсть к чтению становилась все сильнее, и уже с десяти-двенадцати лет начал ощущать то известное провинциальному читателю чувство, которое могу назвать тоскою о книге. Моментом сознательного отношения к книге считаю тот, когда впервые прочел Писарева, вскоре затем «В чем моя вера?» Толстого. Это было в классе четвертом или пятом гимназии; <...> Вгрызался в Гартмана и Шопенгауэра и в тоже время наизусть (иначе нельзя было) вызубрил полкниги «Учение о пище» Моллешотта. К двадцати годам я был хорошо знаком со всею русскою и иностранною (переводною) литературою; <...>. Но о том, чтобы быть писателем, не думал, ибо чуть ли не с самого младенчества чувствовал страстное влечение к живописи...». Книга А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» действительно долгие годы оставалась одной из любимых его книг и оказала заметное влияние на творчество.

В предпоследнем классе гимназии он чувствовал «в себе способность сделаться философом»; мечтал построить <...> систему этики». Написав школьное сочинение под названием «Проклятые вопросы», он, желая испытать судьбу, лег под поезд. Судьба оказалась благосклонна: паровоз имел на этот раз высоко поднятую топку, и промчавшись, не причинил юноше вреда.

В возрасте 19 лет, когда Андреев окончил гимназию и готовился к поступлению на юридический факультет Петербургского университета, он сделал в своем дневнике следующую запись, датированную от 1 августа 1891 года: «Итак, я хочу быть известным, хочу приобрести славу, хочу, чтобы мне удивлялись, чтоб преклонялись перед моим умом и талантом. Всего этого очень трудно добиться, но данные у меня есть. Я говорю про ум и про известные убеждения, благодаря которым я могу похвастаться истинным сыном своего века. Я хочу написать такую вещь, которая собрала бы воедино и оформила те неясные стремления, те полу(о)сознанные мысли и чувства, которые составляют удел настоящего поколения <...>». К этому времени материальное положение семьи чрезвычайно ухудшилось: отец умер, и пришлось нуждаться, даже голодать. Будучи старшим из детей, Леонид взял на себя моральную и материальную ответственность за мать, сестер и братьев, беззаветно преданных ему, любимцу семьи, и не снимал с себя этой ответственности до последних дней. В свою очередь, по словам сестры писателя Римма Николаевна Андреевой, «вся семья жила настроениями

< Леонида> больше, чем своими». Необычно тяжелые годы, полные с одной стороны жестоких лишений, граничащих с настоящей нищетой, а с другой – трогательное самопожертвование близких Леонида Андреева, – образовали прочную связь, которая только укреплялась с годами. Размышляя об этом феномене, Римма Андреева писала: «Я думаю, что наша, всей семьи, особенная связь с Леонидом, наша душевная спаянность с ним, которая не прерывалась никогда до самых последних дней его жизни– эта спаянность далась нам жизнью».

В 1893 году, исключенный за неуплату из Петербургского университета, перевелся на юридический факультет Московского университета. Летом 1894 года, на каникулах в Орле, Андреев пережил тяжелую сердечную драму, о чем свидетельствует запись в дневнике от 22 июля. Его возлюбленная ответила отказом на предложение Андреева выйти за него замуж, и он вновь пытался покончить с собой.

По свидетельству брата будущего писателя, Павла Николаевича Андреева, Леонид целые ночи просиживал над сочинениями Ницше, смерть которого в 1900 году он воспринял как личную утрату. В творчестве будущего писателя философия экзистенциализма, согласно которой человек сам определяет свою судьбу и обладает свободной волей, станет доминантой. Писатель разделял представления экзистенциалистов о том, что никакие моральные и ценностные категории, а также нормы поведения, существующие в обществе, не имеют значения, поскольку все они искусственны. Дневниковая запись Андреева от августа 1891 года: «Я хочу показать несостоятельность тех фикций, которыми человечество до сих пор поддерживало себя: Бог, нравственность, загробная жизнь, бессмертие души, общечеловеческое счастье и т.д. Я хочу показать, что одна только смерть дает счастье, равенство и свободу, что только в смерти и истина, и справедливость, что вечно одно только «не быть» и все в мире сводится к одному, и это одно, вечное, незыблемое, есть смерть. <...>»

О своем первом литературном опыте Андреев написал: «Первый мой, однако, литературный опыт был вызван не столько влечением к литературе, сколько голодом. Я был на первом курсе в петербургском университете, очень серьезно голодал и с отчаяния написал прескверный рассказ «О голодном студенте». Из редакции «Недели», куда я самолично отнес рассказ, мне его вернули с улыбкой. Не помню, куда он девался. <...> Но меня эти неудачи привели к тому, что к окончанию университета, т.е. к 27 - ми годам, я уже совершенно не думал о литературе, серьезно решил стать присяжным поверенным». Попытки попасть в печать не удавались, зато удачно шли занятия живописью. Андреев «рисовал» на заказ портреты по 3 и 5 рублей штука. Усовершенствовавшись, стал получать за портрет по 10 и даже по 12 рублей.

В мае 1897 года Л. Андреев сдал государственные экзамены и получил диплом второй степени, этого было достаточно для начала адвокатской карьеры: вскоре он записался в помощники присяжного поверенного при московском адвокате Я.В. Ливенсоне Московского судебного округа, выступал защитником в суде до 1902 года и относился к этой деятельности очень серьезно.

Неожиданно он получил предложение знакомого адвоката о месте судебного репортера в газете «Московский вестник» для написания очерков «Из зала суда».

Получив признание как талантливый репортер, буквально через два месяца, 6 ноября 1897 года, он уже стал давать отчеты и в только что основанную московскую газету «Курьер».

В качестве судебного репортера Андреев опубликовал в газетах «Московский вестник» и «Курьер» более 500 судебных репортажей. Совершенно очевидно, что многие рассказы и пьесы Андреева выросли именно из судебных репортажей.

Вскоре Андреев начинает печатать в «Курьере» фельетоны, которые подписывает “James Lynch” и “Л -ев”, и рассказы.

После публикации рассказа «Бергамот и Гараська» в 1898 году Андреев познакомился с Максимом Горьким. Эта встреча благотворно сказалась на дальнейшей литературной деятельности Леонида Андреева. Горький представил Андреева некоторыми начинающими писателями – И. Бунину, Н.Д. Телешову, и певцу Ф.И. Шаляпину, а также ввел молодого писателя в книгоиздательское товарищество «Знание», учрежденное группой молодых писателей с целью поддержания и развития социально - реалистических традиций литературы XIX века.

В сентябре 1901 года вышел первый том рассказов в петербургском издательстве «Знание» на средства М. Горького, куда вошли «Маленький ангел», «Большой шлем», «Ложь», «Молчание», «Жили-были».

Литературный дебют и последующая популярность Андреева совпали с эпохой огромных успехов Максима Горького, когда публика стала восторженно верить в народное рождение новых талантов и жадно раскупала все то, что было связано с молодыми дарованиями. Критики самых разнообразных направлений, в том числе известный Михайловский, отнесли к молодому писателю как литературному явлению серьезного значения. С декабря 1902 года Андреев – редактор беллетристического отдела «Курьера»; с помощью М. Горького привлекает к сотрудничеству А.С. Серафимовича, печатает первые произведения А.М. Ремизова, Б.К. Зайцева, Г.И. Чулкова и др.

10 февраля 1902 года состоялось венчание Андреева с А.М. Велигорской, внучатой племянницей Т.Г. Шевченко; посаженным отцом был Н.Д. Телешов.

С января 1903 года стал членом ОЛРС, общества любителей русской словесности при Московском университете.

Андреев оставался в горьковском ближнем кругу писателей до 1905 года. К этому времени относится большая часть его рассказов, в том числе наиболее известные «Стена», «Бездна», «Мысль», «В тумане», «Жизнь Василия Фивейского», «Красный смех». В новелле «Красный смех» отразилось отвращение к ужасам русско-японской войны 1904-1905 годов.

После 1905 года известность Андреева связана с произведениями, написанными в качестве драматурга. Его первая пьеса «К звездам» появилась в 1905 году, и до 1917 года он издавал не меньше одной пьесы в год.

В 1908 году поселился в собственном доме в финской деревне Ваммельсу, бывая в Москве лишь наездами в связи с постановкой пьесы «Жизнь человека» в Московском Художественном театре (1907), пьесы «Дни нашей жизни» в петербургском Новом театре в Москве и трагедии «Анатэма» в МХТ (1909).

С 1907 по 1910 сотрудничал с издательством «Шиповник», где были опубликованы: драма «Жизнь человека»; рассказ «Тьма», «Рассказ о семи повешенных»; памфлет «Мои записки»; драма «Черные маски»; пьесы – «Анфиса», «Екатерина Ивановна», «Тот, кто получает пощечины»; повесть «Иго войны».

Незадолго до революции, которую писатель не принял, вошел в состав редакции газеты «Русская Воля», где продолжал сотрудничать и после февральской революции.

В декабре 1917 после получения Финляндией самостоятельности автоматически оказался в эмиграции, так как в это время проживал со своей семьей на даче в деревне Нейвала близ Мустамяки (Финляндия). Как публицист обличал новый коммунистический режим в России. Его последнее произведение, незаконченный роман-памфлет «Дневник Сатаны», опубликован в 1921 году.

Умер Андреев 12 сентября 1919, в 1956 был перезахоронен в Ленинграде.

2.2. Художественный образ серба в рассказе Л.Н. Андреева «Иностранец».

Рассказ «Иностранец» относится к раннему творчеству Андреева, к тому времени, когда писатель работал в традициях реализма в литературе. Проблематика и поэтика таких рассказов тяготела к малой форме XIX века и изображала простых, рядовых людей, иными словами, раскрывала жизнь «маленького человека».

Исследователи творчества Андреева по-разному трактуют ранние рассказы писателя: одни считают, что это период ученичества Андреева, этап его становления как писателя; другие склонны выделять этот период как наиболее важный, истинно реалистический, за которым последовал этап отступничества от реализма в сторону модернизма.

В данном исследовании мы придерживаемся позиции, что деление творчества на реалистическое или другое (модернистское, символическое, экспрессивное) приемлемо только для анализа произведения писателя в конкретной ситуации, в целом же мы рассматриваем творчество Андреева как единую взаимосвязанную структуру. Изученные дневниковые записи писателя позволяют нам считать, что обыкновенный человек всегда был главным героем творчества как раннего писателя, так и зрелого. Человека из плоти и крови или взятого отвлеченно в социально-философском контексте Андреев ставил во главу угла. Вопросы философии жизни, которые волновали самого писателя, томили и героев его рассказов. Взгляд писателя был устремлен на массового читателя, поэтому можно смело сказать, что он писал о людях и для людей – «чтобы бросать в землю зародыши новой жизни, писатель сам, своею жизнью, своей спиной и своими боками должен узнать и испытать все. Он должен голодать с голодными, быть униженным с униженными, быть битым с битыми; он должен страдать всеми страданиями мира...» – так записал Андреев в своем дневнике.

Имеются два черновых наброска «После государственных экзаменов» рассказа «Иностранец» датируемые 1899 годом, которые находятся в отделе рукописей в Российской государственной библиотеке в Москве. «Иностранец» имеет автобиографический характер и связан со студенческим периодом жизни Андреева в Москве, в известных меблированных комнатах немца Фальц-Фейна, располагавшихся на Тверской улице. В октябре 1893 года Андреев, исключенный из Петербургского университета за невзнос платы, перевелся на юридический факультет Московского университета. Правление

Московского университета 14 октября 1893 года постановило принять его на второй курс.²² События, описываемые в рассказе «Иностранец», могут относиться к концу декабря 1893 - маю 1894г., поскольку сам Андреев в изображаемое время государственных экзаменов не сдавал, так как учился только на втором курсе.

Реальность событий и лиц, описанных в набросках, подтверждается в воспоминаниях студенческого приятеля писателя, Михаила Ольгина: «Жили, помню, у Фальц-Фейна и студенты-сербы Вук Дюрашкович и Янко Яковлевич, готовившиеся по окончании университета занять у себя на родине видные должности, но в Москве «сбившиеся» с пути, указанного им их правительством, на стипендии от которого существовали они, Вук и Янко примкнули к нашей бесшабашной ватаге студенческой. Были они задушевные, веселые ребята, были замечательные музыканты на родном своем, смахивавшем на цитру, но более нежном инструменте, были они и не менее замечательные и голосистые певцы своих народных песен, в особенности, когда были «под мухой». Леонид любил слушать их нежно-ласковую игру и народные их песни (...) когда приступали к рюмочке ...В то же время коридорному Ивану Васильевичу, истинно любившему нас— студентов, заказывались бесконечные самовары (...)».²³

Реалии и лица, описанные в набросках «После государственных экзаменов», были перенесены в рассказ «Иностранец». При этом упоминаемые в набросках студенты-сербы превратились в серба Райко Вукича.

Впервые «Иностранец» был опубликован в журнале «Русское богатство» (№12) в 1902 году. Посылая рукопись критику Н.К. Михайловскому, Андреев в сентябре 1902 года писал: «Боюсь я насчет цензуры. Осторожно обходил я все камни, но на один все- таки наткнулся. Фраза: ‘А тебя, Райко, в Сербии – не пороли? ’. Чем заменить не знаю, а если вычеркнуть— здорово испортит рассказ». В опубликованном тексте этой фразы нет. В октябре 1902 года Андреев ответил на полученное им письмо Михайловского: «Очень рад, что Вам понравился «Иностранец» – на этот раз наши вкусы совпали: мне рассказ не то, чтобы нравится, а вызывает он во мне чувство какой-то весьма приятной теплоты».

23 ноября 1902 года в Киеве, в зале купеческого собрания, намечался вечер в пользу нуждающихся студентов Киевского университета, на котором Андреев собирался прочитать своего «Иностранца». Чтение не состоялось, поскольку на запрос киевского генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова о благонадежности Леонида Андреева 17 ноября 1902

²² Фатов Н.Н. Молодые годы Леонида Андреева: По неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М.: Земля и фабрика, 1924.

²³ Воспоминания Михаила Ольгина о Леониде Андрееве /Подг. Текста и коммент. Л.В. Ивановой //Леонид Андреев: Материалы и исследования.М.,2000.

года последовала телеграмма московского обер-полицмейстера Д.Ф. Трепова: «Андреев неблагонадежен». Внезапно ‘заболевшего’ автора заменил на вечере актер И.Ф. Булатов, прочитавший «Иностранца» по рукописи.

Отзывы критики об «Иностранце» были весьма сдержанными. Прежде всего рецензентов не удовлетворил образ положительного героя рассказа – студента Чистякова: одни сетовали на художественную «тусклость и неопределенность» этого образа, другие утверждали, что рассказ, изображающий кутежи и безобразие студентов, мог бы быть напечатан в таких реакционных изданиях, как «Новое время» и «Московские ведомости», или полагали, что «Иностранец» свидетельствует якобы о тихой примиренности Андреева с жизнью. Но некоторые, например, рецензент газеты «Северный край» (подпись Ф.С.) выражал уверенность: «Пройдет время, и Чистяковы, наверное, подвинутся вперед в смысле определенности. Их прекрасные стремления перейдут в дело».

Название произведения – начало авторской речи. Заголовок представляет идею или тему, собственно, с заголовка начинается диалог автора с читателем. Андреев безукоризненно проявляет свое дарование талантливого художника слова в названии рассказа «Иностранец», используя имя нарицательное, которое указывает на социальную функцию персонажа. Однако существительное “иностранец” имеет разноплановое семантическое поле. Толковый словарь русского языка поясняет данное существительное как лицо, не являющееся гражданином (подданным) того государства, на территории которого находится. Иностранцем может быть человек и среди своих соотечественников или чувствовать себя таковым, если не находит понимания среди знакомых, близких людей, выражение «чужой среди своих» полно выражает данное семантическое значение. И наконец, человек неудовлетворенный, непонимающий себя, находящийся во внутреннем поиске самого себя, чуждый сам для себя, тоже может быть иностранцем. Зачастую легче ощущать себя иностранцем (иноподданным, приезжим, туристом) в любой точке мира, чем быть “иностранцем” внутри себя. Андреев так выстроил фабулу рассказа, что все три значения существительного “иностранец” нашли свое отражение в рассказе «Иностранец».

Главному герою Чистякову 29 лет, который кое-как существует частными уроками, откладывает деньги, чтобы уехать за границу, в Германию. Он не просто мечтает поехать за границу – «жить и учиться там», он одержим этой идеей и смысл своей жизни видит только там, в Германии, среди «других, хороших людей, заживут настоящею, устроенной и доброю жизнью <...>». Жизнь здесь, на родине, кажется ему «неустроенной, хаотичной, варварски грубой и бессмысленной». Чистяков «не любил всего, что его окружало: не любил улиц, по которым ходил, не любил комнаты, в которой жил, ...». Все вокруг ему было мерзко:

«– Я не здешний! – говорил он шутливым извинением, но в шутке его была страшная и почему-то очень обидная правда».

Обстановка и соседи-студенты, которые «много пили и курили, много пели и кричали, спали на полу и на диванах», «по утрам вместо чая пили водку или пиво, ночью бодрствовали», представлялись ему обреченными, и беспорядок вокруг казался «непобедимым».

1) – Хотя бы умереть там! – думал он, смертельно тоскуя.

2) – Я умру здесь. Умру. Господи! Там люди, там жизнь, а тут... – Он безнадежно махнул рукою.

Андреев очень выразительно сравнил жизнь Чистякова, уставшего, страдающего «слабой грудью» с подозрением на чахотку (прим. туберкулез), с «длинным, полутемным коридором», где «среди одинаковых, похожих одна на другую дверей», слышны «странные звуки, похожие на вой или крик о помощи». Писатель использует синтаксические параллельные конструкции в качестве художественного приема для экспрессивности описания.

Леонид Андреев, который сам не любил суеты городов, многолюдности, пишет: «Я боюсь города...я люблю пустынное море и лес. <...> В большом городе она (моя душа-прим. К.Л.) точно сжимается в комок, протягивается как серый коридор между глухих каменных стен...Дверей много, а выхода нет, так кажется моей душе, когда попадает она в город, где в каменных клетках живут городские люди...».

В противоположность Чистякову писатель создает образ студента-серба Райко Вукича. И если Чистякова мы видим «высоким, с узкой и больной грудью, с бескровным лицом постника», то Райко Андреев изображает «низеньким, сухим, жилистым, горбоносим, с острым раздвоенным подбородком, по которому выступала колючая щетина». И Чистяков, и Райко Вукич предпочитали молчать, когда все студенты собирались вместе. А если Чистяков и говорил, то только о «загранице и тамошней жизни». «Тамошняя жизнь» в представлении Чистякова выглядела так: «как дешево все за границей, а люди только дороги. Не так, как у нас: все дорого, а люди дешевы». А поскольку окружающие достаточно устали от темы «тамошней жизни» и не желали слушать монолога Чистякова, то он воспринимал их нежелание слушать как невежество, «равнодушно умолкал», «начинал зевать и уходил заниматься немецким языком».

Если же Райко Вукич начинал говорить, «когда выпивал немного водки», то «горячо и упорно рассказывал про Сербию – какие-то мелкие и неинтересные вещи: о партиях, о радикалах, о каком-то скверном и ужасном человеке Бодемличе и еще о чем-то. И он так расхваливал маленькую и плохонькую Сербию...». Любое замечание о своей

маленькой далекой, но так горячо любимой родине Райко воспринимает как личное оскорбление: «вспыхивал, оглядывал гневным взглядом собравшихся ...», «лицо становилось свирепым и кровожадным», «острые, как жало осы, глазки перебегали с одного на другого». Со слов Райко Чистякову и другим квартирующим студентам родина наивного студента-серба представлялась «маленькой, грустной страной задорных и слабеньких людей, постоянными неурядицами, чем-то мелким и жалким, как игра детей в солдатики». Леонид Андреев использует сравнение в конце описания, что позволяет и героям рассказа, и читателю сформировать образ небольшой страны с беспокойной жизнью и малозначительными воинственными людьми.

Чистяков с тоской ждал своего отъезда в Германию, по вечерам с тихой надеждой он смотрел на темное небо, по которому «таинственно неслись огромные белые хлопья облаков, как гигантские белые птицы». Образ птиц, который Андреев использует для сравнения, передает состояние души героя, его желание уехать, последовать вслед за облаками-птицами в желанную страну.

Однако неожиданно для самого себя Чистяков осознает, что «не может он жить без родины и не может быть счастлив пока она несчастна...», «ему страшно стало, что он мог уехать надолго, навсегда, и умереть там, в чужих краях, и угасающим ухом ловить чужую и чуждую речь». Сочетание «чужую и чуждую речь» повторяет семантику существительного «иностранец»: как Райко Вукич был чужим по национальной принадлежности, так и Чистяков оставался чужд для приятелей-студентов, не случайно один из героев рассказа Ванька Костюрин воспринимает Чистякова «как белые перчатки, постоянная трезвость, модные сапоги».

Поводом для такого резкого душевного переворота становится сначала трогательная песня на студенческой вечеринке, а затем и разговор с соседом, Райко Вукичем, как пример горячей любви, привязанности к маленькой, несчастной родине, его боль от разлуки с ней.

После очередной ссоры Райко с соседом Ванькой Костюриным, Чистяков решает успокоить серба и идет к нему в комнату. Чистяков слышит гортанное пение Райко, которое скорее походило «на вой заброшенного пса, чем на человеческую песню». И не понимая слов, а только чувствуя боль и тоску в этих грубых звуках, «похожих на стон самой земли», Чистяков смог представить себе всю тяжесть страдания, которое было на сердце у молодого серба — «не нужно было слов, чтобы видеть окровавленное сердце певца». В этом пении Райко было все: «О далекой родине он пел; о ее глухих страданиях, о слезах осиротевших матерей и жен; он молил ее, далекую родину взять его, маленького Райко, и схоронить у себя и дать ему счастье поцеловать перед смертью ту землю, на которой он родился; <...> о том, как болит сердце у него, маленького Райко, разлученного с матерью—

родиной, несчастной, страдающей родиной». Маленький Райко испытывает бесконечно глубокое и сильное чувство любви к своей родной земле, к Сербии.

Портрет Райко Вукича и возникающий вокруг него собирательный образ-портрет серба написан Андреевым таким образом, что заурядный персонаж, маленький студент - серб превращается в личность в финале повествования. Искренняя, порой по-детски наивная, любовь Райко к своей родине вызывает у читателя симпатию и положительные эмоции, ассоциируется с чем-то светлым и чистым. Читателю уже рисуется образ небольшой страны, где люди, так же, как и Райко, не просто любят свою землю и свой народ, а живут любовью к своей родине, Сербии, и бесконечно несчастны вдали от нее. Именно эта любовь помогает Чистякову понять самого себя, осознать ошибочность своего желания покинуть родину.

Поэтому Андреев вновь использует образ «облака как птицы», но в этот раз они уже не манят главного героя за собой, их «быстрый и молчаливый счастливый полет» стал «чужд и холоден».

Андреев часто использует антитезу как выразительное средство в рассказе, чтобы показать изменения внутреннего состояния Чистякова. «Недавнее ощущение свободы и легкости» превратилось в другое смутное, еще не до конца осознанное, но уже рвущееся наружу чувство любви к своей матери-родине – «ему страстно хотелось петь, как Райко, и петь о родине. И он обрадовался, что понял, улыбнулся и совсем ясно ощутил запертые в его груди звуки мольбы и горячие, звучные слезы».

Образ Чистякова – это портрет человека, блуждавшего в потемках, увидевшего свет, пережившего катарсис, вернувшегося к жизни, это путь самопознания. И Леониду Андрееву, прекрасно разбиравшемуся в диалектике души, знающему все тонкости человеческого бытия, остро чувствующему жизнь во всех ее проявлениях, удалось раскрыть все грани души главного героя рассказа «Иностранец».

2.3. Художественный образ серба и Сербии в статье Л.Н. Андреева «Слово о Сербии».

Лето 1914 года Леонид Андреев провел в шхерах. На этот раз он жил недалеко от Гельсингфорса, в местечке Эсбо – там, где в 1906 году был вместе Александрой Михайловной²⁴ и маленьким Вадимом.

«Объявление войны застало нас в глубине Финляндии, в Нодендале...» – вспоминал Вадим Андреев, сын писателя.

Сам писатель на фронте никогда не был, однако обвинения некоторых современников в том, что человек, не бывавший на войне, писать о ней не может, отрицал как несостоятельные: «Искусственно ограничивать кругозором художника пределы реально-видимого и осязаемого – это значит посягать на самый дух творчества. Бывают случаи, когда «очевидцы» неизбежно лгут, и очень редко случается, что свидетель мог быть хорошим судьей».

Сильное впечатление на Андреева произвела начавшаяся в 1904 году Русско-японская война. Он написал рассказ «Красный смех», в котором обозначил свою писательскую позицию войны, «безумие и ужас». Рассказ был опубликован и вызвал резонанс в обществе. Оценки не были единогласными, но сам Андреев отмечал важность публицистического воздействия на читателя: «На «Красный смех» я не смотрю как на художественную вещь. Главное – это действие, а действие он производит желательное».

Поэтому к началу Первой мировой войны Леонид Андреев как один из самых известных и популярных авторов, влияющих на настроения читающей публики, не мог оставаться в стороне от новой беды, с которой столкнулась Россия и весь мир. В 1914-1915 гг. писатель публикует ряд статей о событиях разворачивающейся войны, которые позже будут выпущены отдельным сборником «В сей грозный час». По отношению к войне писатель не изменил своих пацифистских взглядов, которых придерживался ранее, полагая, что война по-прежнему беда, смерть, боль, страдание, ужас, безумие. Но как человек публичный примкнул к официальной риторике войны – до победного конца! В цикле статей о Сербии и Бельгии писатель, описывая ужасы германских наступлений, выражает сочувствие терзаемым врагом народам и призывает Россию и союзников как можно скорее прийти им на помощь.

О ходе военных действий Л.Н. Андреев будет узнавать из газет и писем младшего брата, Андрея Николаевича Андреева, который осенью 1914 года был призван в

²⁴ Александра Михайловна Андреева (урожденная Велигорская) – первая жена Л.Н.Андреева, умерла от послеродовой горячки в 1906 году.

действующую армию. Письма брата с фронта станут главным и достоверным источником знаний о текущей войне. Некоторые из них Леонид Андреев публиковал в журнале «Отечество» и газете «Русская воля».

«Три дня был в бою наш полк, – писал Андрей Николаевич, – многих уже не стало. Тяжело ранен вольноопределяющий моей роты, с которым я хлеб-соль ел...». Сам писатель в письмах к брату старался его поддержать и ободрить, рассказывал о положении дел в тылу и семье, делился сокровенными мыслями. Он признавался, что чувствует утомление от войны, несмотря на собственные призывы к ее продолжению.

«Милый мой, Андрушечка, – писал Леонид Андреев, вчера получили твои письма из окопов. Ах ты, голубчик мой, как тебе там приходится <...>. Еще никогда, ни при каком чтении, я так не верил в войну, как при твоих письмах...».

Статья «Слово о Сербии» напоминает манифест, прагматическое назначение которого призвать к действию, поэтому текст воспринимается как заявление, официальное обращение. В свою очередь жанр повествования влияет на выбор выразительных средств автором для создания национального образа.

Начинает свое обращение писатель с выражения своего отношения к войне как таковой – «Все слезы солонь», а это значит, что всякая война – это страдание и боль, и никто не может измерить степень этой боли и глубины ран. Постепенно увеличивая эмоциональное воздействие на читателя Андреев использует антитезу: «мертвая вода разрушения» и «живая вода любви и созидания».

Собирательный образ серба, с «которого началась война», «был первым убитым», Андреев вводит метафорой – «придушенным голосом». Читатель рисует образ человека-воина, измученного, обессиленного, истекающего кровью, но мужественно сражающегося за свою землю уже четыре месяца; «жалоб не слышно», потому что это ослабленный воин с «придушенным, слабеющим и бодрым голосом» не привык жаловаться, он с надеждой ждет помощи от «единственного...друга России»: «Мы ничего, мы держимся...».

Этот преданный своей земле серб-воин, «серб-солдат», закален нуждой, голодом, он – «мужественный бедняк», у которого нет снарядов для стрельбы, поэтому вынужден отступить, но не сдаться германцу, «сытому мещанину с плоской насмешкой».

Андреев призывает русский народ, которой тоже знает, что такое голод и бедность, «на одно палаццо - у нас миллион придавленных к земле лачуг», помочь своему братскому народу, Сербии, «которая только что выдержала трехлетнюю войну» и не оправилась от старых ран.

Андреев называет настоящее положение вещей, что это хуже, чем война, это «карательная экспедиция» германцев и австрийцев: «они не хотят территориальных приобретений – им нужны сербская кровь, сербский ужас, сербское несчастье», «целую страну вознамерились превратить в один сплошной красный эшафот, каждое дерево – в виселицу для серба, каждую голову в материал для палача». «И здесь, в Сербии, совершаемое австрийцами так ужасно, что перестает чувствоваться как ужас».

Писатель снова обращается с призывом к русскому народу, наш добрый и славный народ», должен помочь «замученной, истощенной, молчаливо-героической Сербии». Используя лексический повтор Андреев призывает помнить о причинах бедности сербского народа, «он минуты отдыха не знал за столетия, он не изведал счастья простой безопасности, когда тут было нажить богатства, асфальтовые улицы...», «если загорелое, сухое тело мужественного серба сплошь покрыто рубцами от турецких ятаганов и немецких зазубренных штыков, то его руки сплошь в рабочих мозолях. Вся его историческая жизнь – это жизнь сурового мученика- трудлюбца».

Леонид Андреев завершает статью- манифест темой любви, которая красной нитью проходит через все его творчество – «Множьте любовь! Множьте любовь, множьте щедрость! Множьте великодушие ваше!»

Финальное предложение в повелительном наклонении – «Помогите сербу, который молча истекает кровью» – звучит как набат.

Очевидно, что это предложение выступает как послесловие и отражает гражданскую позицию писателя – Андреев призывает сограждан к действию.

Заключение

1) Имагология является разделом сравнительного литературоведения. Представляет собой междисциплинарное направление гуманитарного знания, которое изучает образы других народов, стран, культур и занимается анализом процесса формирования этих образов в сознании воспринимающего их народа.

2) Литературоведческая имагология исследует художественные образы и устойчивые стереотипные образы «других» народов, стран, культур в произведениях художественной литературы отдельных авторов или целых литературных направлений, школ.

3) Основными концептами имагологии являются национальные образы и этностереотипы.

4) Леонид Андреев (1871-1919) – одна из ярких фигур русской литературы конца XIX - начала XX вв., талантливый публицист, драматург, беллетрист, философ, художник. Художественно-философское наследие Л.Н. Андреева велико, стремление соединить в своем творчестве литературу и философию позволяет говорить об андреевском феномене синтетизма, художественные образы его героев и идеи его произведений восходят к разным литературным направлениям. Дневниковые записи и письма писателя позволяют понять формирование его мировоззрения и определить эстетику писателя.

5) В рассказе «Иностранец» Леонид Андреев создает собирательный художественный образ студента- серба Райко Вукича, маленького человека, бесконечно любящего свою родину; смысл его жизни – любовь к родной земле и своему народу, вдали от своей горячо любимой родины серб, преданный сын своей родины-матери, испытывает тоску и боль разлуки.

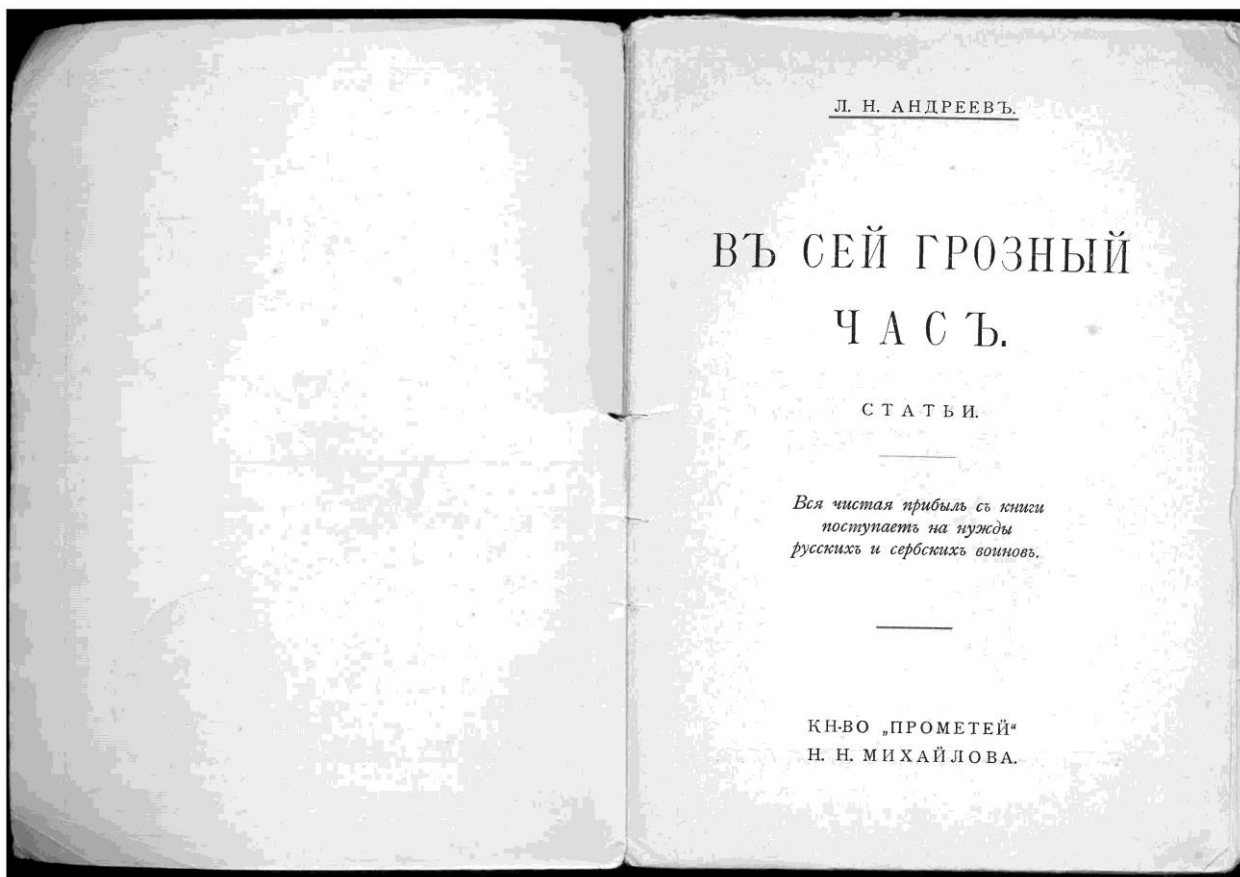
6) Статья «Слово о Сербии», статья – манифест, описывает трагедию Первой мировой войны. Леонид Андреев показывает реальное тяжелое положение сербов и создает образ Сербии как страны, превратившейся в сплошной «красный эшафот» от смерти и страданий. Образ измученного войной и голодом серба-солдата, чьи «руки сплошь в мозолях», а «загорелое, сухое тело покрыто рубцами от штыков» не может не вызывать сострадания и желания помочь этому мужественному молчаливому воину, сражающемуся за свою любимую землю.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Земсков В.Б. Теоретические аспекты: о рецепции и репрезентации «другой» культуры // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX –начало XXIв.). М., 2011.
3. Михальская Н.П. Россия и Англия: проблемы имагологии. М.; Самара, 2012.
4. Ощепков А.П. Имагология // Знание. Понимание. Умение.2010. №1.
5. Кон И.С. Социологическая психология. Воронеж, 1999.
6. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. №4.
7. Поляков О.Ю. Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013.
8. Реизов Б.Г. Сравнительное изучение литературы // История и теория литературы. Л., 1986.
9. Рябчикова Е.Е. Имагология как раздел литературоведческой компаративистики // Слово.ру: балтийский акцент. 2018.Т.9, №2.
10. Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М.,2005.
11. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.,1999.
12. Dyserinck H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity // Intercultural Studies. №1 Spring2003.
13. Dyserinck H. Zum Problem der « images» and «mirages» und ihrer Untersuchung im Rahmen der Vergleichenden Literaturwissenschaft // Arcadia. 1966. №1.
14. Leerssen J. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey. Amsterdam, 2007.
15. Falt O.K. The Global Study of Mental Images as a Form of Research into Cultural Confrantation // Comparative Civilizations Review. 1995. No.32.
16. Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений и писем. Т.1. Москва, Наука, 2007.
17. Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избранные труды. Санкт-Петербург, ИД «Петрополис», 2019.
18. Леонид Андреев. S.O.S.: Дневник (1914-1919); Письма (1917-1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918-1919) / вступ. статья, составление и примечание Р.Дэвиса и Б. Хеллмана. – М.; СПб.: Athenium; Феникс, 1994.

19. Бондарева Н.А. Главная тема творчества Леонида Андреева. // Весник КГУ им. Н.А.Некрасова, 2009. №3.
20. Затуловская Л.Д. Письма Леонида Андреева к родным из коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева.
21. Леонид Андреев. Письма к Н.К. Рериху. Агентство «Алфавит», «De Visu», 1993, №4.
22. Леонид Андреев. Письма к А.А. Кипену. «Алфавит», «De Visu», 1993, №3/4.
23. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. 2-е изд. М., 2004.

Приложение

и бѣдно все кругомъ, какъ бѣдна она сама. Но жалобъ не слышно: каждый день хрипитъ черезъ телеграфное агентство придушенный, слабый и бодрый голосъ: „мы ничего, мы держимся—деритесь спокойно!“

Но долго-ли?

О бѣдности Сербіи мы много знаемъ, но еще больше рассказали о ней германцы. Съ плоской насмѣшкой сытаго мѣщанина, съ увѣренностью тупыхъ людей, что это и остроумно, и забавно—въ тысячѣ каррикатуръ намъ показали „Сербію“: ея лачуги, ея босыхъ солдатъ и оборванныхъ министровъ, ея королевича Александра, который самъ — это верхъ изыскаго остроумія — самъ штопаетъ свои штаны. Но чѣмъ шире улыбалось плоское лицо германца-мѣщанина, тѣмъ большей жалостью и скорбью наполнялось наше сердце: вѣдь, мы и сами не изъ богачей, знаемъ и голодъ, и нужду, и на одно палаццо у насъ миллионъ придушенныхъ къ землѣ лачугъ. Насъ бѣдность не насмѣшишь! И если это правда, бѣдность утврждаетъ, что сербы-солдаты идутъ въ бой босыми, что у нихъ нѣтъ ни денегъ, ни врачей, ни лѣкарствъ, то тѣмъ печальнѣе, тѣмъ больнѣе. Говорятъ дальше, что ихъ „стратегическія“ отступленія — маневръ мужественныхъ бѣдняковъ, у которыхъ нѣтъ снарядовъ для стрѣльбы, и только поэтому они отходятъ. Говорятъ еще дальше, что всѣ уже мужчины

на войнѣ, на войнѣ старики и подростки... да откуда же и взяться народу въ маленькой странѣ, которая только что выдержала трехлѣтнюю войну и весь цвѣтъ свой уже отдала кровавому Молоху? Остались старики, да молодая завязь, не успѣвшая и развернуться, а биться надо, до самой смерти надо биться.

Вѣдь, не забудьте, что съ сербами не войну ведутъ. Не забудьте, что это называется карательной экспедиціей: идутъ на Сербію не войска, не солдаты, не офицеры, а палачи, предводительствуемые оберъ-палачами. Въ войнѣ есть хоть какія-нибудь правила, маленькія поблажки, хоть виѣшняя корректность: народъ въ сторонѣ, войска дерутся съ войсками—и это война. Но гдѣ границы и предѣлы для карательной экспедиціи, единственная цѣль которой жестоко наказати и устранили? И если германцамъ въ Бельгій надо все же выискивать предлоги, чтобы имѣть право повѣсить сотню гражданъ и сжечь соборъ—то какихъ еще предлоговъ искать карателямъ? Съ видомъ подлаго безкорыстія съ самаго пачала гордо заявили австрійцы, что они не хотятъ „территориальныхъ пріобрѣтеній“—имъ нужны только сербская кровь, сербскій ужасъ, сербское несчастье. Они сами истцы, они же сами и судьи, они же и палачи—вотъ кто австрійцы въ этомъ позорномъ походѣ на изнемогшую страну. Ихъ циничный ло-

зунгъ: сколько осили, столько и истребятъ—естественно, что слабые, которыхъ легко осилить, идутъ въ первую голову на этомъ праздничѣ австрійскаго правосудія.

Неслыханное дѣло! Сознательно, съ голымъ цинизмомъ, которому нѣтъ примѣровъ, передъ глазами всего цивилизованнаго міра, выпустивъ чуть-ли не афиши—австрійцы цѣлую страну вознамѣрились превратить въ одинъ сплошной красный эшафотъ на тысячу квадратныхъ километровъ, каждое дерево—въ висѣлицу для серба, каждую голову—въ матеріалъ для палача. Неслыханное дѣло!

И тамъ, гдѣ они могли, они исполнили то, что обѣщали. Ихъ программная встрѣта такъ ужасна, что просто неловко какъ-то говорить, чувствуешь себя перенесеннымъ въ какой-то почти нереальный міръ, куда можно заглянуть на мгновение, но долго оставаться—не выдержитъ сознание. „Было такъ страшно, что я не чувствовалъ страха“,—говоритъ покойный Соменовъ, описывая гибель при Цусимѣ броненосца „Суворовъ“, на которомъ находился. И здѣсь, въ Сербіи, совершаемое австрійцами такъ ужасно, что уже почти перестаетъ чувствоваться, какъ ужасъ; есть для нашей чувствительности граница, за которою человекъ просто мертвеетъ и какъ бы не вѣрить свидѣтельству собственныхъ глазъ. И я не стану приводить фактовъ;

они собраны, зарегистрированы, протоколно удостовѣрены (какъ это сдѣлалъ Вандервельде по отношенію къ германскимъ вѣрствамъ въ Бельгій) и въ свое время, когда возстановится честный судъ Европы, получатъ свою оцѣнку.

Одно только нужно повторить и подчеркнуть: здѣсь австрійцы не стѣснялись. Призванные карать и ужасати, они встрѣтили передъ собой не бельгійцевъ и французовъ, за которыми даже ихъ надменная мысль признаетъ нѣкоторыя человѣческія права,—они встрѣтили славянъ, низшую расу, нѣчто среднее между гориллой и чело-вѣкомъ, что-то въ родѣ колониальнаго бумана или малайца. А въ этомъ отношеніи рука у всѣхъ европейскихъ культуртрегеровъ достаточно набита, и можно представлять, до какой роскоши безграничнаго карательства дошли австрійцы — и что еще они обѣщаютъ Сербіи, стягивая корпуса у ея границы! Газеты сообщали, что семь корпусовъ готовятся къ вторженію въ Сербію; семь же корпусовъ—это ровно 280 тысячъ палачей-карателей, которые не ищутъ „территориальныхъ пріобрѣтеній“, а только сербской крови, сербскаго ужаса, сербскаго несчастья! Какъ обнажится сербская земля! Какая новая пустыня откроется на Балканскомъ полуостровѣ, если нѣмцамъ удастся ихъ планъ, и иная, болѣе могучая и свѣтлая, сила не остановитъ ихъ передъ первой ступенью неслыханнаго эшафота.

И нашъ добрый и славный народъ, который уже помогъ бельгійцамъ и полякамъ, не долженъ забывать о замученной, истощенной, молчаливо-героической Сербіи. Ея бѣдность—не порокъ, который нужно скрывать и котораго слѣдуетъ стыдиться, и если загорѣлое, сухое тѣло мужественнаго серба сплошь покрыто рубцами отъ турецкихъ ятагановъ и нѣмецкихъ зазубренныхъ штыковъ, то его руки сплошь въ рабочихъ мозоляхъ. Вся его историческая жизнь—это жизнь суроваго мученика-трудолюбца, у котораго въ одной рукѣ заступъ, а другую онъ поднималъ для защиты головы: его жизнь—это непрерывный мартирологъ мучениковъ за свободу, безконечная вереница распятыхъ, распятыхъ, распятыхъ! Онъ минуты отдыха не зналъ за столѣтія, онъ не извѣдалъ счастья простой безопасности,—когда тутъ было нажить богатства, асфальтовые улицы, готическаго Вертхайма и Аллею Побѣды! Да, онъ бѣденъ и босъ, и руки его въ мозоляхъ, и тѣло его въ шрамахъ, и душа его налита неизсякаемой скорбью—онъ, сербъ, у котораго дѣти, вмѣсто школы, должны драться за свободу и жизнь. Необходимо помочь ему, необходимо!

И вотъ еще чего не забудьте, думая о Сербіи: въ Сербіи насъ любятъ—горячей, искренней, почти нѣжной любовью. Попробуйте, кто бы вы ни былъ, проѣхаться сейчасъ по ея окровавленнымъ полямъ и городамъ... и вамъ покажется,

что вы владѣтельный князь, пророкъ, самъ ангелъ Божій—такою любовью и почтеніемъ окружатъ васъ эти измученные люди! Послѣдній коверъ постелать они подъ ваши русскія ноги, отнимутъ отъ своихъ голодныхъ устъ послѣдній кусокъ хлѣба—и съ божественной щедростью обѣдака угостятъ васъ, драгоцѣннѣйшаго гостя изъ милой Россіи. Молясь Богу, кого они упоминаютъ въ молитвѣ прежде своихъ дѣтей?—Россію. Тысячи лѣтъ ожидая солнца, въ какую сторону смотреть ихъ распятые, куда посылаютъ слезы и вздохи матери ихъ замученныхъ дѣтей?—туда, гдѣ за синимъ туманомъ свѣтятся въ небѣ золотые купола московскаго Кремля.

Насъ такъ мало любятъ вообще и такъ мало уважаютъ: варвары!—еще недавно кричали на насъ К. Либкнехтъ,—варвары, васъ надо выкинуть за Уралъ! И тѣмъ болѣе должны мы дорожить этой нѣжной и довѣрчивой любовью; въ ней залогъ не только сербскаго, но и нашего возрожденія. Множьте любовь! Множьте любовь! Если другіе народы борются за мировое господство, за куски земли и моря, то намъ еще надо завоевать уваженіе—множьте любовь, множьте щедрость! Множьте великодушіе ваше!

Помогите сербу, который молча истекаетъ кровью.

11 ноября 1914 г.

Биография автора

Кузьмичёва (урождённая Дюкова) Людмила Анатольевна родилась 10.10.1974 в городе Данкове, СССР. В июне 1992 года окончила с золотой медалью среднюю школу №3 г. Данкова. Поступила в Липецкий государственный университет на факультет Иностранных языков, который окончила с отличием в июне 1998 года по направлению - филология (иностранные языки), специализация (Общий перевод) и присуждением квалификации - преподаватель английского и немецкого языков.

С 1998 по 1999 г. преподавала английский язык в гимназии №5, Москва.

С 1999 по 2001 г. работала в качестве гида-переводчика в туристическом агентстве «Вавилон», Москва.

С 2001 по 2007 г. занимала должность исполнительного директора в туристическом агентстве «Муза дальних странствий», Москва.

С 2007 года по 2017 г. преподавала английский и немецкий языки в Российской Международной Школе, Москва.

С 2018 по 2021 г. занимала должность штатного старшего преподавателя кафедры «Лингвистики и межкультурной коммуникации» в университете «РосНоу», Москва.

В октябре 2022 года поступила в магистратуру университета в Баня Луке (Босния и Герцеговина), направление «Русский язык и литература».

НАУЧНО-НАСТАВНОМ ВИЈЕЋУ
ФИЛОЛОШКОГ ФАКУЛТЕТА
УНИВЕРЗИТЕТА У БАЊОЈ ЛУЦИ

Предмет: Извјештај о прегледу и оцјени мастер рада Људмиле Анатолјевне Кузмичове (Людмила Анатолъевна Кузьмичёва)

На 173. сједници Научно-наставног вијећа Филолошког факултета Универзитета у Бањој Луци, одржаној 10. 11. 2023. године, рјешењем број 09/3.1982-7/23, именована је Комисија за оцјену мастер рада „Художественный образ серба и Србии в творчестве Л. Н. Андреева (на основе имагологического анализа рассказа «Иностранец» и статьи «Слово о Србии»)» кандидаткиње Људмиле Анатолјевне Кузмичове (Людмила Анатолъевна Кузьмичёва), у сљедећем саставу:

1. Др Саша Шмуља, редовни професор за ужу научну област Српска КЊИЖЕВНОСТ и култура с компаратистиком и теоријом књижевности на Филолошком факултету Универзитета у Бањој Луци, члан.
2. Др Биљана Бабић, редовни професор за ужу научну област Специфични језици — српски језик на Филолошком факултету Универзитета у Бањој Луци, члан.
3. Др Ненад Благојевић, доцент за ужу научну област Руска књижевност и култура на Филозофском факултету Универзитета у Нишу (ментор).

Уз захвалност на указаном повјерењу, Научно-наставном вијећу подносимо сљедећи

ИЗВЈЕШТАЈ

Мастер рад под насловом „Художественный образ серба и Србии в творчестве Л.Н. Андреева (на основе имагологического анализа рассказа «Иностранец» и статьи «Слово о Србии»)» кандидаткиње Људмиле Кузмичове садржи укупно 43 странице текста, са илустрацијама. Рад се састоји из увода, два поглавља, и завршава се Закључком, списком коришћене литературе и илустративним прилозима. Прво поглавље је насловљено „Имагология как междисциплинарное направление гуманитарного знания", и састоји се од потпоглавља „Имагология как раздел компаративистики" и „Национальный образ и стереотип как базовые концепты имагологии". Наслов другог

поглавља гласи „Образ серба и Србији в творчестве Леонида Андреева", и садржи три потпоглавља: „Эстетика творчества Л.Н. Андреева", „Художественный образ серба в рассказе Л.Н. Андреева «Иностранец»" и „Художественный образ серба и Србији в статье Л.Н. Андреева в «Слове о Србији»".

У свом мастер раду кандидаткиња Људмила Кузмичова бави се имаголошким тумачењем приче „Странац" и „Реч о Србији" руског писца Леонида Андрејева. Стваралаштво Леонида Андрејева, истакнутог белетоисте и драматурга са почетка XX века, привукло је велико интересовање истраживача, нарочито у последњих тридесетак година, када се о његовим делима говори као уникатном сведочанству једне епохе. Посебно занимљив аспект стваралаштва Андрејева тиче се дихотомије свој — туђи, која у контексту руске културе на почетку XX века придобија посебан значај. У том погледу описи националних типова представљају специфични аспект стваралаштва Андрејева који се може сматрати недовољно истраженим. Ове околности, као и генерална неистраженост разматраних текстова Леонида Андрејева, чине истраживање Људмиле Кузмичове актуелним, а сам имаголошки приступ оригиналним.

Први, теоријски део истраживања кандидаткиње Кузмичове посвећен је разматрању имагологије као једног од компаративистичких метода књижевних истраживања. У почетном делу овог поглавља аутор наводи краћи историјски преглед развоја имагологије као научне дисциплине, те указује на одређења задатака, циљева, поступака, на развој терминологије и средстава која се у оквиру тих истраживања примењују. У раду се коментаришу ставови и схватања најзначајнијих теоретичара ове научне дисциплине. Оваквим прегледом успоставља се методолошки оквир за истраживање текстова Л. Андрејева. Конкретизујући уводне теоријске претпоставке, кандидаткиња Кузмичова у потпоглављу „Национални тип и стереотип као основни концепти имагологије" говори о карактеристикама помоћу којих се најчешће гради целовита структура националног карактера. Питања формирања и описа националног идентитета мотивисала су успоставу јасне представе о „својем", што је, са своје стране, подстакло развој представе о „туђем". Тако формирана бинарна опозиција „свој - туђи" придобија посебну актуелност почетком XX века, када концепција националне припадности добија на значају и у великој мери обликује историјски процес. Тако се у својству основних методолошких принципа ИмаГОЛОШКИХ истраживања у раду Кузмичове успостављају следећи: „1) неопходност узимања у обзир психолошког елемента у процесу формирања етничких представа као збира истине и маште, рационалних запажања и грубих заблуда — предрасуда у односу према другима, и претераних рефлексива — у контексту различитих процеса који се одвијају у различитим сферама делатности и спољашњим узајамним везама друштва у конкретним тренуцима његове историје", и „2) принцип рефлексива у представама о другом народу као суштинска црта сопствене колективне психологије, тј. формирање идентитета кроз порицање негативних карактеристика која се приписују „Другима".

Примену горе наведених принципа кандидаткиња Л). Кузмичова остварује у другом делу свог рада, посвећеном истраживању представе о Србима у стваралаштву Леонида Андрејева. Анализа почиње од ширег прегледа естетике стваралаштва Л. Андрејева, где се истиче „синтетичка природа Андрејевљевих текстова, односно њиима својствен својеврсни спој реализма и модернизма". Од посебног значаја за тему овог рада је и запажање о томе да се у многим истраживањима Л. Андрејев сматрао зачетником експресионизма у руској књижевности, што актуализује питање приказивања националних карактера у његовом стваралаштву. Наведени у раду биографски детаљи

пружају увид у развој пищевих схватања и специфичног погледа на свет. Разјаснивши природу развоја Л. Андрејева као књижевника, кандидаткиња Кузмичова у посебном потпоглављу приступа анализи текста „Странац”, где одмах истиче да настаје у раном периоду стваралаштва писца, када он ствара у традицији реализма. Као што и сам Андрејев у свом тексту сугерише, и сама анализа се остварује кроз поређење двојице главних јунака, руског студента Чистјакова и српског студента Рајка Вукића. Преображај Чистјакова под утицајем познанства са Рајком Вукићем наглашава значај портрета српског студента у причи: „Искрена, понекад дечји наивна, Рајкова љубав према својој отаџбини изазива код читалаца симпатију и позитивне емоције, повезује се са нечим светлим и чистим”. Кроз лик Рајка Вукића Андрејев ствара и представу о земљи порекла тог необичног јунака, у којој људи попут Рајка не само да воле своју земљу и свој народ, већ су и бескрајно несрећни када се удаље од отаџбине. Поред приче „Странац”, кандидаткиња Кузмичова истражује уметнички приказ Србина и Срба и у Андрејевљевом чланку „Реч о Србији”. Кузмичова истиче да овај ЧЛанаК помало подсећа на „манифест, чији се прагматични значај огледа у позиву на деловање, те се зато текст више доживљава као изјава, званично обраћање”. Кроз метафорични приказ оданог својој отаџбини Србина ратника, „Србина војника”, измученог сиромаштвом и глађу, али спремног да се храбро бори за своју земљу, Андрејев позива руски народ да помогне братском народу и Србији.

У „Закључку” се сумирају резултати истраживања и презентују остварени циљеви. Кандидаткиња Кузмичова кроз шест тачака таксативно указује како се кроз имаголошки приступ Андрејевљевим текстовима разоткрива пишево сагледавање не само Срба, већ и генерални модел опозиције „свој - туђи” у његовом стваралаштву.

Закључак и приједлог

Кандидаткиња Људмила Кузмичова као ауторка мастер рада под насловом „Художественный образ серба и Сербии в творчестве Л.Н. Андреева (на основе имагологического анализа рассказа «Иностранец» и статьи «Слово о Сербии»)” остварила је задовољавајући резултат у домену имаголошког тумачења представе о Србима и Србији у руској књижевности почетка XX века на примеру стваралаштва Леонида Андрејева. Анализирајући причу „Странац” и чланак „Реч о Србији”, кандидаткиња је пружила детаљан осврт на представу о другом, перцепцију Србије и њеног народа у једном од најизазовнијих тренутака у историји, што употпуњује представу о доживљају српског народа у руској књижевности и руском друштву на почетку XX века.

На основу свега реченог Комисија предлаже Научно-наставном вијећу ФИЛОЛОШКОГ факултета да мастер рад кандидаткиње Људмиле Кузмичове, под називом „Художественный образ серба и Сербии в творчестве Л.Н. Андреева (на основе имагологического анализа рассказа «Иностранец» и статьи «Слово о Сербии»)”, прихвати и упути на усмену одбрану пред комисијом у истом саставу.

У Бањој Луци, 15. 11.2023. године

Комисија:

1. Др Саша Шмуља, редовни професор за ужу научну област Српска књижевност и култура с компаратистиком и теоријом књижевности на Филолошком факултету Универзитета у Бањој Луци, члан.

2. Др Биљана Бабић, редовни професор за ужу научну област Специфични језици — српски језик на Филолошком факултету Универзитета у Бањој Луци, ЧЛАН.

3. Др Ненад Благојевић, доцент за ужу научну област Руска књижевност и култура на Филозофском факултету Универзитета у Нишу (ментор).

УНИВЕРЗИТЕТ У БАЊОЈ ЛУЦИ
ПОДАЦИ О АУТОРУ ОДБРАЊЕНОГ МАСТЕР РАДА

Име и презиме аутора мастер/магистарског рада: Људмила Анатољевна Кузмичова, рођ. Дјукова (Людмила Анатољевна Кузьмичёва, урождённая Дюкова)

Датум, мјесто и држава рођења аутора: 10. октобра 1974. године у граду Данкову у Русији

Назив завршеног факултета/Академије аутора и година дипломирања: Факултет страних језика на Липецком државном универзитету (1998)

Датум одбране завршног/дипломског рада аутора: 29. 6. 1998. године

Наслов завршног/дипломског рада аутора: The Category of Definiteness- Indefiniteness within the framework of detective genre (based on A.Christie's works) // Категория определённости-неопределённости в рамках детективного жанра (на материале А. Кристи)

Академско звање коју је аутор стекао одбраном завршног/дипломског рада: предавач енглеског и њемачког језика

Академско звање које је аутор стекао одбраном мастер рада: Мастер руског језика и књижевности.

Назив факултета/Академије на коме је мастер/магистарски рад одбрањен: Филолошки факултет Универзитета у Бањој Луци

Наслов мастер/магистарског рада и датум одбране: Художественный образ серба и Сербии в творчестве Л. Н. Андреева (на основе имагологического анализа рассказа «Иностранец» и статьи «Слово о Сербии»), 30. 11. 2023. године.

Научна област мастер/магистарског рада према CERIF шифрарнику: Н 390 – Општа и компаративна књижевност, књижевна критика, теорија књижевности; Н 595 – Руски језик и књижевност

Имена ментора и чланова комисије за одбрану мастер/магистарског рада:

Ментор: доц. др Ненад Благојевић

Чланови комисије: проф. др Биљана Бабић
проф. др Саша Шмуља

У Бањој Луци, дана 22. 11. 2023. године

Декан

ИЗЈАВА О АУТОРСТВУ

Изјављујем да је мастер рад

Наслов рада: „Художественный образ серба и Сербии в творчестве Л. Н. Андреева (на основе имагологического анализа рассказа «Иностранец» и статьи «Слово о Сербии»)”

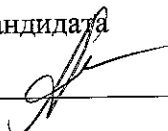
Наслов рада на енглеском језику: Literary Image of the Serb and Serbia in Leonid Andreyev's works (based on the imagological analysis of the story «Foreigner» and the article «Word About Serbia»)

- резултат сопственог истраживачког рада,
- да мастер рад, у цјелини или у дијеловима, није био предложен за добијање било које дипломе према студијским програмима других високошколских установа,
- да су резултати коректно наведени и
- да нисам кршио/ла ауторска права и користио интелектуалну својину других лица.

У Бањој Луци,

22. 11. 2023. године

Потпис кандидата

**Изјава којом се овлашћује Филолошки факултет
Универзитета у Бањој Луци да мастер рад учини јавно доступним**

Овлашћујем Филолошки факултет Универзитета у Бањој Луци да мој мастер рад, под насловом „Художественный образ серба и Сербии в творчестве Л. Н. Андреева (на основе имагологического анализа рассказа «Иностранец» и статьи «Слово о Сербии»)“ који је моје ауторско дјело, учини јавно доступним.

Мастер/магистарски рад са свим прилозима предао/ла сам у електронском формату, погодном за трајно архивирање.

Мој мастер/магистарски рад, похрањен у дигитални репозиторијум Универзитета у Бањој Луци, могу да користе сви који поштују одредбе садржане у одабраном типу лиценце Креативне заједнице (Creative Commons), за коју сам се одлучио/ла.

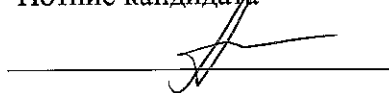
1. Ауторство
2. Ауторство - некомерцијално
3. Ауторство - некомерцијално - без прераде
4. Ауторство - некомерцијално - дијелити под истим условима
5. Ауторство - без прераде
6. Ауторство - дијелити под истим условима

(Молимо да заокружите само једну од шест понуђених лиценци, кратак опис лиценци дат је на полеђини листа).

У Бањој Луци,

22. 11. 2023. године

Потпис кандидата

**Изјава о идентичности штампане и електронске верзије
мастер рада**

Име и презиме аутора: Људмила Анатољевна Кузмичова (Људмила Анатољевна Кузьмичёва)

Наслов рада: „Художественный образ серба и Србији в творчестве Л. Н. Андреева (на основе имагологического анализа рассказа «Иностранец» и статьи «Слово о Србији»)”

Ментор: доц. др Ненад Благојевић

Изјављујем да је штампана верзија мог мастер рада идентична електронској верзији коју сам предала за дигитални репозиторијум Универзитета у Бањој Луци.

У Бањој Луци,

22. 11. 2023. године

Потпис кандидата

